

АЛЕКС СКАЙ

ОПАЛЬНАЯ НЕВЕСТА

ДРАКОНЬЕГО МАРШАЛА

НАСЛЕДНИКИ ПРОТИВ СОВЕТА

Алекс Скай

**Опальная невеста драконьего
маршала. Наследники
против Совета**

«Литнет»

2026

Скай А.

Опальная невеста драконьего маршала. Наследники против Совета
/ А. Скай — «Литнет», 2026

Меня привезли в крепость драконьего маршала не как невесту, а как позор, от которого он собирался публично отказаться. Только есть одна проблема: я не леди Эвелина Рей. Я — Арина, женщина из другого мира, очнувшаяся в чужом теле, с чужим именем и чужой виной. Маршал Кайран Велор ненавидит моё лицо. Совет хочет использовать меня против его детей. А сами наследники — молчаливый Дариан и маленькая Лира — почему-то смотрят на меня так, будто я могу их спасти. Их называют опасными. Их держат взаперти. Их дар вспыхивает от страха. Но я вижу не чудовищ, а детей, которых слишком долго заставляли бояться самих себя. Теперь мне нужно выбрать: сбежать из чужого мира или встать между наследниками и Советом, даже если сам драконий маршал ещё не решил, враг я ему... или единственная женщина, которой его дети поверили.

© Скай А., 2026

© Литнет, 2026

Содержание

Опальная у драконьих ворот	5
Дети, которым запретили летать	24
Невеста на три дня	48
Конец ознакомительного фрагмента.	49

Опальная у драконьих ворот

Арина поняла, что её собираются бросить к ногам дракона, ещё до того, как вспомнила собственное имя.

Сначала был стук колёс. Тяжёлый, неровный, будто карета ехала не по дороге, а по чьим-то костям, спрятанным под снегом. Потом — холод, такой резкий, что он пробрался под кожу раньше сознания. И голоса за тонкой стенкой, чужие, приглушённые, но достаточно ясные, чтобы каждое слово вошло в неё, как ледяная игла.

— Довезём — и слава Пламени, — сказал мужчина сипло. — Дальше пусть маршал сам решает, что делать со своей невестой.

Женщина ответила тихим смешком:

— Невестой? После того, что вскрылось? Её привезли не под венец, а под отказ.

— Говорят, Совет будет смотреть.

— Конечно. Велор не упустит случая показать всем, что его род не пачкается о предательниц.

Арина открыла глаза.

Мир качнулся.

Низкий потолок кареты был обит тёмно-красной тканью, потемневшей по углам. На стенках дрожали отсветы фонаря. На коленях лежала тяжёлая меховая накидка, не её. Пальцы, вцепившиеся в край меха, тоже были не её: тонкие, бледные, с длинными ногтями, на одном — перстень с красным камнем в оправе из тёмного золота.

Она не носила таких перстней.

Она вообще, кажется, ещё час назад шла по мокрому тротуару, прижимая к груди сумку, и думала о том, что надо купить хлеба, пока не закрылся магазин у дома. Было серо, сыро, под ногами хлюпал подтаявший снег. Потом резкий свет. Чужой крик. Падение.

Потом — ничего.

А теперь карета, мех, чужие пальцы и разговоры о драконе, который собирается публично от неё отречься.

Арина вдохнула.

Не закричала. Не бросилась к дверце. Не стала колотить кулаками в стенку кареты, требуя остановить всё это безумие.

Сначала понять.

Потом выжить.

Паника редко спасала. Она знала это слишком хорошо, пусть сейчас и не могла ухватиться за прежнюю жизнь крепче, чем за край чужой накидки.

Карета резко подпрыгнула. На лавке напротив съехала кожаная папка, перевязанная чёрной лентой. Из-под неё выскользнул лист плотной бумаги.

Арина наклонилась, подняла его и увидела имя.

Леди Эвелина Рей.

Невеста драконьего маршала Кайрана Велора.

Допущена к прибытию в крепость Велоров до решения Совета рода.

Она перечитала.

Потом ещё раз.

Буквы не изменились.

Леди Эвелина Рей.

Невеста.

Допущена к прибытию.

Не приглашена. Не ожидаема. Не желанна. Допущена, как неприятная вещь, которую по правилам нельзя выбросить у ворот, но можно поставить в угол и дожидаться свидетелей.

Арина медленно повернула голову к оконцу.

За мутным стеклом металась белая пыль. Не совсем снег — мелкая ледяная крупа, подсвеченная красными всполохами где-то впереди. Небо было низким, тяжёлым, цвета остывшего железа. Вдали, за белёсым маревом, чернели зубцы стен.

Крепость.

Не замок из детских открыток, не романтические башни над озером. Нет. Это была крепость человека, привыкшего отбиваться от мира зубами и огнём. Огромные стены из чёрного камня поднимались прямо из скалы. По ним тянулись красноватые прожилки, будто в камне под кожей текло пламя. Башни были широкие, суровые, с узкими окнами-бойницами. Над главными воротами висел знак: дракон, сомкнувший крылья вокруг меча.

Карета замедлилась.

Снаружи снова заговорили.

— Смотри, огни у ворот горят алым.

— Значит, маршал в крепости.

— А если он сам выйдет?

— За ней? Не смейся. Таких женщин встречают управляющие. Или стража, если боятся, что сбежит.

Арина сжала лист.

Сбежит.

Отличная мысль. Только куда? В снег, в чужой мир, из кареты, у ворот драконьей крепости, в теле женщины, которую здесь, судя по всему, уже ненавидели?

Она опустила взгляд на свои руки. На платье. Тёмно-зелёное, дорогое, с золотой вышивкой на рукавах. Красивое, но помятое после дороги. На шее — тонкая цепочка с подвеской в виде маленького крыла. На запястье — браслет, слишком тяжёлый, словно не украшение, а напоминание о чьей-то власти.

Арина осторожно коснулась лица.

Кожа холодная. Скулы незнакомые. Губы не её формы.

В сумке, стоявшей сбоку, должно быть зеркало. Она нашла его не сразу: маленькое, круглое, в серебряной оправе, потемневшей от времени. Подняла.

Из зеркала на неё посмотрела чужая женщина.

Красивая. Очень.

Светлые волосы, заплетённые в сложную причёску, из которой выбились несколько прядей. Тонкое лицо, ровные брови, зелёные глаза — не мягкие, а острые, тревожные, с тенью усталости под веками. Это лицо могло принадлежать леди, которую учили улыбаться так, чтобы мужчины принимали это за согласие, а женщины — за вызов. Лицо, которым можно очаровать зал. Или разозлить его ещё сильнее.

— Эвелина, значит, — прошептала Арина.

Голос тоже был чужой. Ниже, чем её собственный, бархатистый и слегка хриплый.

От этого стало окончательно страшно.

Не потому, что всё происходящее стало реальнее. А потому, что реальность, кажется, не собиралась давать ей времени на истерику.

Карета остановилась.

Снаружи звякнули цепи. Лошади фыркнули. Кто-то шагнул к дверце.

Арина быстро сунула письмо обратно под папку, расправила мех на коленях и заставила себя сидеть прямо.

Дверца распахнулась.

Внутри ворвался ледяной воздух, пахнувший снегом, дымом и чем-то пряным, горьковатым — как пепел после большого костра.

На подножке стоял стражник в тёмной броне. На груди — знак дракона с мечом. Лицо молодое, но взгляд уже привычно закрытый.

Он посмотрел на неё.

Не с почтением.

С осторожной неприязнью.

— Леди Рей, — сказал он. — Крепость Велоров.

Арина поняла: если сейчас она растеряется, это заметят. Если задаст не тот вопрос, заметят тоже. Если назовёт кого-то не тем титулом, сделает неверный шаг, неправильно посмотрит — всё станет ещё хуже.

Она кивнула.

— Я вижу.

Стражник моргнул, будто ожидал другого ответа. Слез, просьб, гордого молчания, резкой фразы. Но не этого сухого, почти спокойного признания.

Он протянул руку.

Арина поднялась.

И сразу поняла, что тело Эвелины устало больше, чем казалось. Колени дрогнули, в висках звякнуло, мир на мгновение пошёл красными пятнами. Стражник успел поддержать её под локоть, но тут же отпустил, словно прикоснулся к чему-то запретному.

— Простите, миледи.

— За то, что не дали мне упасть? Станный повод для извинений.

Он снова моргнул.

Пожалуй, прежняя Эвелина Рей разговаривала иначе.

Надо осторожнее.

Арина ступила на снег.

Холод тут же пробрался сквозь тонкие дорожные туфли. Перед ней раскрывался внутренний двор крепости — широкий, вымощенный чёрным камнем. Снег лежал только по краям, будто сам боялся заходить на середину. Вдоль стен горели чаши с алым пламенем. Оно не плясало на ветру, а стояло ровными языками, густыми и неподвижными, как расплавленное стекло.

У ворот выстроились стражники.

Ни одного поклона.

Только взгляды.

В дальнем конце двора на ступенях стояла женщина лет пятидесяти в строгом сером платье, поверх которого был накинут тёмный плащ. Волосы убраны в гладкий узел. На поясе — связка ключей. Лицо спокойное, но не доброе. Такое лицо бывает у людей, которые знают все тайны дома и ни одной не считают поводом для мягкости.

— Леди Эвелина Рей, — произнесла она, когда Арина подошла ближе.

Не приветствие.

Проверка.

— Да, — сказала Арина.

Женщина чуть сузила глаза.

— Я госпожа Мейра, старшая управляющая крепости Велоров. Мне поручено разместить вас до заседания Совета.

Разместить.

Не принять.

Не проводить.

Ещё одно аккуратное слово, в котором не было места радости.

— Благодарю, госпожа Мейра.

Управляющая задержала на ней взгляд.

— Дорога была тяжёлой?

— Достаточно.

— Совет соберётся завтра к полудню. До этого времени вам следует оставаться в отведённых покоях и не искать встречи с маршалом.

Арина едва заметно подняла брови.

— Он так боится разговора со мной?

Один из стражников за спиной тихо втянул воздух.

Мейра не изменилась в лице.

— Драконий маршал ничего не боится, леди Рей.

— Тогда почему мне запрещают встречу?

— Потому что маршал Велор не видит смысла в частной беседе перед публичным решением.

Публичным.

Значит, слухи у кареты не лгали.

Её привезли сюда, чтобы перед Советом рода мужчина, именуемый драконьим маршалом, мог официально разорвать помолвку и показать всем: род Велоров чист от опальной невесты.

Арина почувствовала, как внутри поднимается горячая волна. Не её обида. Чужая? Эвелинина? Или просто человеческое возмущение от того, что её выставляют вещью для церемонии?

Она сжала пальцы.

— Решением о чём?

Мейра чуть наклонила голову.

— Вы не знаете?

Опасно.

Очень опасно.

— Я предпочитаю услышать формулировку этого дома, — сказала Арина. — А не дорожные сплетни.

Управляющая молчала секунду.

Потом, кажется, нехотя признала ответ достаточно разумным.

— Совет рассмотрит расторжение брачного договора между родом Рей и родом Велор. Также будет решено, подлежат ли вы немедленной высылке из драконьих земель.

— Прекрасно, — сказала Арина. — То есть мне приготовили не комнату, а скамью ожидания приговора.

— Вам приготовили покои, соответствующие вашему положению.

— Моему прежнему или нынешнему?

На этот раз в глазах управляющей мелькнуло нечто живое. Не симпатия. Скорее любопытство.

— Ваше положение, леди Рей, сейчас зависит от того, насколько тихо вы проведёте эту ночь.

— Тишина у вас считается добродетелью?

— В крепости драконьего маршала тишина часто сохраняет жизнь.

Фраза прозвучала без угрозы.

Оттого стала сильнее.

Арина оглянулась на стены. На алые чаши. На стражников, которые делали вид, что не слушают, но слушали каждое слово. На высокие окна башен.

И вдруг увидела их.

Двое детей стояли за узким окном в правой башне.
На миг.

Только на миг, потому что снежная пыль снова ударила в стекло, и очертания расплылись. Но Арина успела заметить: мальчик лет восьми, худой, с тёмными волосами, стоял чуть впереди, словно закрывая собой вторую фигурку. Девочка младше, совсем маленькая, прижимала к стеклу ладонь. Вокруг её пальцев на окне растекалось слабое золотистое свечение, похожее на огонь, который боится гореть.

Наследники.

Дариан и Лира — имена всплыли из документов? Или из чужой памяти Эвелины? Арина не знала. Но сердце сразу отозвалось так, будто неважно, откуда она это узнала.

Дети смотрели на неё.

Не с любопытством.

С тревогой.

И ещё — с надеждой, которую пытались спрятать слишком поздно.

Мальчик резко отдёргнул девочку от окна.

Стекло потемнело.

— Леди Рей, — сказала Мейра.

Арина поняла, что остановилась посреди двора и слишком долго смотрит на башню.

— Там дети маршала?

Управляющая замерла.

— Наследники находятся в безопасном крыле.

Знакомая формулировка. Слишком гладкая, чтобы быть правдой.

— Для кого безопасном?

Один из стражников чуть повернул голову.

Мейра посмотрела на Арину уже иначе — не как на опальную невесту, а как на непредвиденную сложность.

— Вам не следует интересоваться наследниками.

— Почему?

— Потому что это не имеет отношения к вашему пребыванию здесь.

— Я всё ещё числюсь невестой их отца?

— Формально — до решения Совета.

— Значит, хотя бы формально имеет.

Управляющая долго молчала.

Ветер шевелил край её плаща. Алые чаши у ворот горели неподвижно. Где-то высоко, над правой башней, каркнула крупная чёрная птица и тут же исчезла в снежной мгле.

— Наследники не принимают гостей, — сказала Мейра наконец.

— Я не гостья. Вы же сами сказали: я жду приговора.

— Остроумие не поможет вам завтра, леди Рей.

— Возможно. Но оно хотя бы согревает лучше, чем приём у ворот.

Стражник, стоявший слева, кашлянул, пряча неожиданную улыбку.

Мейра бросила на него один взгляд, и улыбка исчезла так быстро, словно её никогда не было.

— Проводите леди Рей в восточные покои, — приказала она.

— Восточные? — тихо переспросил молодой стражник.

— Да.

— Но госпожа...

— Я сказала — восточные.

Стражник поклонился.

Арина запомнила.

Восточные покои не были очевидным выбором. Значит, были ещё какие-то. Лучшие? Худшие? Дальше от маршала? Ближе к башне детей? Она не знала. Но в этом доме, как и в любом другом месте, где люди прятали страх за правилами, важнее всего было замечать не слова, а реакции.

Саквояжи сняли с кареты. Её не спрашивали, сколько у неё вещей. Не спрашивали, устала ли она. Не предлагали отдохнуть в малой зале. Просто повели через двор к широким дверям крепости, над которыми дракон из чёрного металла распахивал крылья так, будто готов был упасть на каждого входящего.

Арина задержала взгляд на его морде.

— Он всегда так смотрит?

Стражник, шедший рядом, не понял.

— Кто, миледи?

— Дракон над дверью. Такое чувство, будто он решает, достойна ли я войти.

Молодой стражник покосился на знак.

— Говорят, родовые драконы видят больше камня.

— И что он обычно делает с недостойными?

— Молчит.

— Удобно. Всегда можно сказать, что он осуждает.

Стражник опустил голову, но в уголке его губ снова мелькнуло движение.

— Вам лучше не шутить при старших Велорах, миледи.

— А при младших?

Он посмотрел на неё с тревогой.

— При младших давно никто не шутит.

Вот это было сказано не по приказу.

Арина услышала.

И сердце снова потянулось к башенному окну.

Внутри крепость оказалась тёплой, но не уютной. Стены из тёмного камня были испещрены тонкими красноватыми прожилками, по которым время от времени пробежал слабый свет. В нишах горели алые чаши. От них исходило ровное тепло, но воздух всё равно оставался сухим, с запахом пепла, кожи и железа.

Пол был выложен чёрными плитами. На них не задерживался снег: упав с подولا Арины, снежинки шипели и исчезали, не успев превратиться в воду. На стенах висели гобелены с драконами, боевыми походами, гербами родов. На одном — мужчина в алых доспехах стоял перед распахнутыми крыльями огромного дракона. На другом — женщина с золотым ребёнком на руках и мальчиком у колен.

Арина остановилась у второго гобелена.

Мальчик на нём был очень похож на того, что стоял у окна.

— Леди Рей, — напомнил стражник осторожно.

— Это мать наследников?

Он заметно напрягся.

— Леди Селеста Велор.

— Она умерла?

Стражник побледнел.

— Я не...

— Поняла. Вопросы не приветствуются.

— О ней не говорят, миледи.

— Почему?

— Потому что после таких разговоров в крепости гаснут чаши.

Сказано было тихо. Почти шёпотом.

Арина посмотрела на алое пламя в ближайшей нише. Оно на миг вытянулось тонким языком, будто слышало.

Интересно.

Мать детей. Запретная тема. Наследников прячут. Их дар бояться. Маршал отрекается от невесты перед Советом. А сама невеста — опальная женщина, которую привезли в крепость для публичного унижения.

Прекрасное начало новой жизни.

Если бы она писала книгу, то решила бы, что автор переборщил.

Но сейчас она была внутри этой книги, и с каждой минутой ей всё меньше нравилась роль, которую ей отвели.

Их провели по длинному коридору, потом вверх по лестнице, где перила были вырезаны в форме переплетённых драконьих хвостов. На втором этаже стало тише. Слуги попадались редко и каждый раз быстро отводили взгляд. Одна девушка с корзиной белья увидела Арину, замерла, потом сделала неловкий поклон и едва не выронила корзину.

— Они думают, я кусаюсь? — спросила Арина.

Стражник смутился.

— О вас многое говорили, миледи.

— Хорошее тоже было?

Он промолчал.

— Понятно. Значит, остроумие всё-таки пригодится.

Восточные покои оказались просторными, но явно давно не жилыми. Высокие окна выходили на внутренний двор и правую башню. В комнате стояла кровать с тёмным пологом, письменный стол, низкий диван у камина, шкаф и зеркало в тяжёлой бронзовой раме. Камин уже горел. Пламя было алым, с золотым сердцем внутри. В отличие от чаш в коридорах, оно давало настоящее тепло.

На столе лежал свёрнутый пергамент.

Стражник заметил его и нахмурился.

— Этого не должно быть.

— Тем интереснее.

Арина подошла к столу.

— Миледи, подождите. Я позову госпожу Мейру.

— Чтобы она забрала письмо раньше, чем я прочитаю? Сомнительное предложение.

Она развернула пергамент.

Текст был короткий.

Леди Рей,

если вы хотите выйти из крепости с остатками достоинства, завтра перед Советом молчите. Не оправдывайтесь. Не плачьте. Не приближайтесь к детям маршала. После расторжения договора вам позволят уехать. Если попытаетесь вмешаться в дела Велоров, Совет вспомнит не только вашу вину, но и то, что до сих пор удавалось скрыть.

Подписи не было.

Только знак: тонкий круг, внутри которого была перечёркнутая драконья чешуя.

Арина медленно перечитала письмо.

До сих пор удавалось скрыть.

Прежняя Эвелина Рей, кем бы она ни была, явно приехала сюда не с пустой совестью. Или кто-то очень хотел, чтобы все так думали.

— Вы знаете этот знак? — спросила Арина у стражника.

Тот покачал головой слишком быстро.

— Нет, миледи.

— Лжёте плохо.

Он побледнел.

— Простите.

— За ложь или за то, что плохо?

— За оба.

Она положила письмо на стол.

— Как вас зовут?

— Терен, миледи.

— Терен, я не собираюсь жаловаться на вас за то, что вы чего-то боитесь. Но если в этой крепости все будут молчать, я очень быстро сделаю что-нибудь не то. А потом кто-нибудь скажет: «Ну конечно, она же опальная Рей». Мне бы хотелось хотя бы понимать, чего не делать.

Стражник смотрел на неё так, будто она предложила ему выбрать между приказом и обрывом.

— Этот знак... — Он сглотнул. — Его иногда используют люди старшего советника.

— Какого советника?

Он не ответил.

Арина не стала давить. Пока.

— Хорошо. Другой вопрос. Почему мне нельзя приближаться к детям?

— Это приказ маршала.

— Потому что я опасна для них?

— Потому что все опасны для них, — вырвалось у Терена.

Он тут же замолчал.

Вот.

Первые настоящие слова.

Арина очень медленно села в кресло у стола, чтобы не спугнуть его резким движением.

— Почему?

Терен покосился на дверь.

— Наследник Дариан и княжна Лира... особенные.

— Дети маршала-дракона. Полагаю, это ожидаемо.

— Не так. Их пламя... не такое, как у взрослых.

— Какое?

— Оно отвечает.

— На что?

— На страх. На голос. На прикосновения. На сны. Иногда на правду.

Последнее слово прозвучало почти суеверно.

Арина задержала дыхание.

Пламя, отвечающее на страх и правду.

Прекрасно. Просто прекрасно.

— И поэтому их прячут?

— Их защищают.

— Это вы сейчас повторили чужие слова.

Терен опустил взгляд.

— Да, миледи.

— А ваши?

Он молчал долго.

— Они редко выходят из башни.

Арина посмотрела в окно.

В правой башне снова мелькнул свет. Или ей показалось? Нет. Там, за узким стеклом, кто-то двигался. Маленькая фигура. Потом вторая. Ребёнок прижался к окну, но тут же отпрянул.

— Они видели мой приезд, — сказала она.

— Скорее всего.

— И что им сказали обо мне?

Терен помрачнел.

— Не знаю.

— Предположите.

Он сжал губы.

— Что вы не задержитесь.

Эта фраза почему-то ударила сильнее, чем сплетни о публичном отказе.

Не задержитесь.

Дети, которых прячут, вероятно, слишком часто видели взрослых, появлявшихся на короткое время. Гувернанток. Родичей. Учителей. Проверяющих. Тех, кто сначала осторожно улыбался, потом пугался, потом уходил, оставляя после себя ещё одну трещину в маленьком доверии.

Арина поднялась и подошла к окну.

Двор внизу был уже пуст. Карету увели. Стража разошлась. Снег снова медленно ложился на камень, но возле алых чаш таял ещё в воздухе. Правая башня стояла совсем близко — через узкий внутренний двор. Если бы окна открывались, можно было бы, наверное, докричаться.

— Окна открываются? — спросила она.

Терен напрягся.

— Миледи...

— Я не собираюсь перелезть через двор по простыням. Пока.

Он выглядел так, будто слово «пока» отняло у него несколько лет жизни.

— Восточные окна запечатаны на ночь.

— Домом или людьми?

— Крепостью.

— Удобно, когда крепость берёт на себя неприятные решения.

Терен промолчал.

Арина коснулась стекла.

Оно было тёплым.

Не ледяным, как ожидалось, а тёплым, будто за ним дышал огромный зверь. И в этом тепле вдруг проступил узор: тонкая золотая линия, едва заметная под её пальцами. Она потянулась вверх, к центру стекла, и сложилась в крошечный силуэт крыла.

Арина отдёрнула руку.

— Вы это видели?

Терен смотрел на стекло с круглыми глазами.

— Что, миледи?

Узор исчез.

Значит, либо ей показалось, либо крепость предпочитала разговаривать без свидетелей.

Отлично. В списке действующих лиц появилась ещё и крепость.

В дверь постучали.

Терен резко выпрямился.

Вошла Мейра. За ней — две служанки с подносами и дорожным сундуком. Управляющая сразу посмотрела на Арину, потом на Терена, потом на письмо на столе.

— Вам уже доставили послание?

— Видимо, оно торопилось раньше вас.

— Позвольте.

— Нет.

Мейра замерла.

Арина взяла письмо и сложила его.

— Оно адресовано мне.

— В этой крепости вся переписка гостей проходит через управляющую.

— Я уже не гостя, помните? Я приговор в ожидании оглашения.

Одна из служанок едва слышно кашлянула.

Мейра не оценила.

— Леди Рей, вы делаете своё положение хуже.

— Моё положение и так выглядит не слишком уютным. Не думаю, что письмо испугается.

— Вы не понимаете правил этого дома.

— Зато я быстро учусь.

— Тогда выучите первое. Не привлекайте внимание Совета до заседания.

— Боюсь, для этого надо было не привозить меня в крепость при стражниках и не обсуждать у ворот мой завтрашний позор.

Мейра поджала губы.

— Ваши покои подготовлены. Ужин подадут здесь. До утра вы не покидаете эту часть крыла.

— Я могу попросить книги?

— Какие?

— О роде Велоров. О Совете. О крепости. О драконьем даре.

— Нет.

— Даже так?

— Вам не потребуются книги до завтрашнего решения.

— Значит, решение уже принято?

Управляющая молчала.

Арина кивнула.

— Понятно.

Мейра отвернулась к служанкам.

— Разберите вещи леди Рей. Платье для Совета подготовить тёмное. Без родовых украшений Велоров.

Арина посмотрела на неё.

— У меня есть родовые украшения Велоров?

— Брачная цепь. Она была отправлена вам после заключения договора.

Сердце неприятно кольнуло.

— Где она?

Мейра явно не хотела отвечать.

— В вашем сундуке.

— Достаньте.

— Леди Рей...

— Я хочу увидеть вещь, которую завтра у меня, видимо, отнимут при свидетелях.

В комнате повисла тишина.

Служанки не двигались.

Мейра несколько секунд смотрела на Арину, потом коротко кивнула.

Одна из девушек открыла сундук и осторожно вынула длинную плоскую шкатулку из тёмного дерева. На крышке был вырезан дракон, обвивающий крыло вокруг женской руки. Красиво. Тревожно. Слишком похоже на владение, чтобы казаться обещанием.

Арина открыла шкатулку.

Внутри лежала цепь.

Не тонкая, изящная, свадебная. Тяжёлая, тёмно-золотая, с алыми камнями, каждый из которых мерцал изнутри. Она была прекрасна и неприятна одновременно. Не украшение, а знак древнего договора, в котором чувства, вероятно, интересовали всех меньше, чем кровь, род и наследники.

Арина коснулась цепи пальцами.

Камни вспыхнули.

Не ярко, но достаточно, чтобы все в комнате замерли.

Мейра побледнела.

Терен шагнул вперёд.

Служанка у сундука охнула.

— Что? — спросила Арина, стараясь звучать спокойно, хотя сердце уже колотилось где-то в горле. — Она не должна так делать?

Мейра медленно закрыла шкатулку прямо у неё под пальцами.

— Нет.

— Что это значит?

— Ничего, что вам следует обсуждать до Совета.

— У вас в крепости поразительное количество вещей, которые не следует обсуждать.

— Именно поэтому крепость ещё стоит.

Арина убрала руку.

Камни цепи погасли, но тепло осталось в пальцах. Короткое, упорное, почти живое. Как знак на стекле. Как золотистое свечение у руки маленькой девочки в башенном окне.

— Оставьте шкатулку, — сказала она.

— Это невозможно.

— Почему?

— Потому что до решения Совета брачная цепь хранится под надзором дома.

— А до этого лежала в моём сундуке.

— Теперь вы в крепости Велоров.

Мейра взяла шкатулку сама.

Арина не стала удерживать. Пока не понимала, что это за вещь, лучше не устраивать борьбу за неё перед служанками. Но запомнила всё: вспышку, бледное лицо управляющей, шаг Терена, страх девушек.

Кайран Велор хотел публично отречься от неё.

А его брачная цепь почему-то откликнулась на её прикосновение.

Это могло стать спасением.

Или новым обвинением.

Когда Мейра ушла, забрав шкатулку и Терена, служанки остались разбирать вещи. Они двигались тихо, почти бесшумно, но Арина видела, как переглядываются.

Одна — рыжеватая, с круглым лицом — старалась не смотреть ей в глаза. Вторая, темноволосая, худенькая, наоборот, украдкой наблюдала слишком внимательно.

— Как вас зовут? — спросила Арина.

Рыжая вздрогнула.

— Нира, миледи.

Темноволосая присела.

— Сайла.

— Вы давно служите в крепости?

Нира тут же уткнулась в сундук.

— С детства, миледи.

Сайла ответила тише:

— Три года.

— Значит, вы обе знаете, что мне лучше не задавать вопросов.

Нира покраснела.

Сайла осторожно сказала:

— Вопросы здесь любят меньше приказов.

— А дети? Они тоже не любят вопросов?

Нира выронила платье.

Сайла замерла.

Арина вздохнула.

— Все реагируют так, будто я спросила, где спрятана родовая казна.

— Хуже, миледи, — шепнула Нира и тут же зажала рот ладонью.

Сайла быстро шагнула к двери, прислушалась, потом вернулась.

— Наследников нельзя обсуждать.

— Кто запретил?

— Все.

— Удобный ответ.

— Правдивый, миледи.

Арина посмотрела на башенное окно за стеклом. Теперь там было темно. Но она всё ещё помнила маленькую ладонь и золотой след.

— Они опасны? — спросила она.

Нира чуть не заплакала от ужаса.

Сайла долго молчала, потом сказала:

— Они дети.

Вот это уже было похоже на настоящую правду.

Арина повернулась к ней.

— Но их боятся.

— Иногда люди боятся того, что сами разбудили.

Нира прошептала:

— Сайла!

Та опустила глаза.

— Простите, миледи. Я не должна была.

— Нет. Именно это и должны были.

За дверью послышались шаги. Служанки мгновенно замолчали. Через пару секунд в комнату вошёл Терен.

— Госпожа Мейра велела передать: маршал примет вас через час.

Арина медленно подняла брови.

— Мне же запретили искать встречи.

— Он сам приказал.

— Передумал?

Терен не улыбнулся.

— Не думаю, миледи.

— Что-то случилось?

Он посмотрел на служанок. Те тут же собрали пустые чехлы и почти выбежали из комнаты.

Когда дверь закрылась, Терен сказал:

— Брачная цепь загорелась снова.

Арина ощутила, как холод и жар одновременно прошли по спине.

— Без меня?

— Да.

— И что это значит?

— Не знаю. Но госпожа Мейра отправила гонца к маршалу. Через несколько минут пришёл приказ доставить вас в нижний зал.

— Доставить?

— Простите. Проводить.

— Нет, первое слово честнее.

Она подошла к зеркалу.

Эвелина Рей смотрела на неё с бледным лицом и зелёными глазами, в которых уже не помещалось прежнее растерянное «где я?». Теперь там было другое.

Если её хотят унизить перед Советом, надо понять за что.

Если дети прячутся за окном, надо понять почему.

Если брачная цепь драконьего маршала откликается на женщину, которая даже не Эвелина, надо понять, как не сгореть на этой странности первой.

Арина поправила выбившуюся прядь.

— Как я выгляжу?

Терен кашлянул.

— Как леди, которую не стоит злить перед ужином.

— Прекрасно. Значит, почти готова.

Путь к нижнему залу шёл через другую часть крепости. Чем ниже они спускались, тем сильнее становился запах пепла и горячего камня. В стенах чаще вспыхивали красные прожилки. Где-то глубоко под полом гудело — не механизм, не ветер. Скорее огромное дыхание.

— Это крепость? — спросила Арина.

— Сердце Пламени, — ответил Терен и тут же осёкся.

— Родовая сила Велоров?

Он молча кивнул.

— И она находится под крепостью?

— Говорят, да.

— Вы много говорите для человека, которому велели молчать.

— Рядом с вами почему-то трудно молчать, миледи.

— Это недостаток?

— В этой крепости — опасный.

Они миновали арку, за которой тянулся коридор с портретами. Мужчины и женщины на них были суровыми, красивыми и одинаково недовольными. У всех где-то в изображении присутствовал дракон: на плече, за спиной, в гербе, в огне. Род Велоров явно любил напоминать, что кровь у них не просто благородная, а крылатая.

В конце коридора стояли двое стражников у высоких дверей из чёрного дерева.

Они открылись без стука.

Нижний зал был круглым.

Каменный пол спускался к центру на три широкие ступени. В середине горела большая чаша с алым пламенем — не огонь в привычном смысле, а плотный свет, поднимавшийся без дыма. Вокруг стояли несколько человек.

Арина сразу увидела его.

Кайран Велор.

Драконий маршал.

Он стоял у чаши спиной к дверям, но даже со спины было ясно: этот мужчина привык, что зал подчиняется его присутствию. Высокий, широкоплечий, в чёрной форме без лишних украшений. Тёмные волосы перехвачены у затылка. На рукавах — алое шитьё в виде чешуи. Руки сцеплены за спиной. Неподвижность не спокойная — собранная, как клинок в ножнах.

Рядом с ним стояла Мейра, держа в руках открытую шкатулку.

Брачная цепь внутри горела.

Теперь уже ярко.

Алые камни светились так, будто внутри каждого билось маленькое сердце. Золото нагрелось до мягкого багряного оттенка. Свет от цепи ложился на лицо управляющей, делая её ещё бледнее.

На другой стороне зала был пожилой мужчина с серебряной тростью и холодным взглядом. Советник? Родич? Враг? Пока неясно. Он смотрел на Арину так, будто уже вынес приговор и теперь ждал только, когда она подтвердит его правильность.

Кайран повернулся.

Арина впервые увидела его лицо.

И поняла, почему у ворот говорили о нём вполголоса.

Он был красив не мягкой человеческой красотой, а опасной, выжженной. Резкие скулы, тёмные брови, прямой взгляд. Глаза не красные, как она на мгновение ожидала, а золотисто-карие, с вертикальным тёмным зрачком, который делал его взгляд почти нечеловеческим. На левой щеке — тонкий светлый шрам. Не уродующий, а подчёркивающий, что перед ней не придворный жених, а человек войны.

Когда он посмотрел на неё, зал словно стал меньше.

Арина заставила себя не опустить глаза.

— Леди Эвелина Рей, — сказал он.

Голос низкий. Сдержанный. Не громкий, но от него хотелось выпрямиться.

— Маршал Велор, — ответила она.

— Вы изменились.

Плохое начало.

Очень плохое.

— Дорога меняет людей.

— Не настолько.

Пожилой мужчина у трости усмехнулся.

— Возможно, леди Рей просто надеется сыграть новую роль перед завтрашним Советом.

Арина повернула голову.

— А вы, видимо, уже играете старую?

Он прищурился.

Мейра едва заметно закрыла глаза.

Кайран не улыбнулся. Даже тени улыбки не появилось. Но его взгляд на мгновение стал внимательнее.

— Это лорд Арвен Тор, старший советник рода.

— Как хорошо, что я не успела сказать что-нибудь вежливое.

Арвен побледнел от возмущения.

— Маршал, вы слышите?

— Слышу, — сказал Кайран. — Поэтому пока молчу.

Арина поняла: он не на её стороне. Но и не спешит отдавать советнику каждое её слово как добычу.

Пока.

Кайран взял из шкатулки брачную цепь.

Мейра резко вдохнула.

Он держал цепь спокойно, хотя металл явно был горячим. Камни вспыхнули ещё ярче, когда он поднял её между ними.

— Это должна была быть формальность, — сказал маршал. — Завтра перед Советом я расторг бы договор, вернул цепь в родовой огонь и закрыл вопрос Эвелины Рей навсегда.

Арина стиснула пальцы.

Слова были жестокими.

Не потому, что он сказал их резко. Наоборот. Слишком спокойно. Как о ненужном распоряжении, которое давно лежало на столе и наконец дождалось подписи.

— Очаровательно, — сказала она. — Вы всегда обсуждаете чужое уничтожение так деловито?

— Я обсуждаю последствия ваших действий.

— Моих?

— Вашего рода. Ваших писем. Ваших попыток использовать брачный договор Велоров против моих наследников.

Наследников.

Вот оно.

Арина почувствовала, как внутри всё насторожилось.

— Против детей?

Арвен резко вмешался:

— Не притворяйтесь, леди Рей. Ваша семья поддержала требование Совета об ограничении прав Дариана и Лиры. Вы должны были стать тихим связующим звеном между родами, а стали орудием давления.

Арина смотрела на него, пытаясь удержать лицо спокойным.

Семья Эвелины. Совет. Ограничение прав детей. Брачный договор как рычаг. Значит, всё ещё хуже.

Эвелину не просто привезли для отказа. Её могли использовать против наследников.

А теперь в её теле — Арина, которая не знает даже, что именно подписала эта женщина. Кайран шагнул ближе.

— Почему цепь откликнулась на вас?

— Я надеялась, вы мне объясните.

— Не играйте со мной.

— Я не играю.

— Эта цепь молчала три года. Даже в день заключения договора.

— Тогда, возможно, проблема не во мне.

Температура в зале изменилась.

Пламя в чаше вытянулось вверх.

Арвен сделал шаг назад.

Арина поняла, что сказала слишком много. Или слишком точно.

Кайран смотрел на неё так, будто впервые увидел не опальную невесту, а задачу, которую нельзя решить одним приказом.

— Кто вы? — спросил он тихо.

Сердце ударило так сильно, что Арина едва не выдала себя дыханием.

Ответа не было.

Вернее, был, но сказать его означало немедленно попасть в самую глубокую часть этого чужого безумия.

Я Арина. Я не из вашего мира. Я проснулась в теле женщины, которую вы ненавидите. Я ничего не знаю о ваших договорах, но уже видела ваших детей в башне и не верю, что они опаснее взрослых вокруг них.

Нет.

Не сейчас.

— Женщина, которую вы привезли, чтобы публично от неё отказаться, — сказала она. — Разве не этого ответа вы ждали?

— Я ждал прежнюю Эвелину.

— Сожалею, что разочаровала.

Кайран сделал ещё шаг.

Теперь между ними оставалось меньше двух метров. Арина почувствовала тепло от цепи, которую он держал в руке. Не обжигающее — тревожное. Будто вещь не просто нагрелась, а узнала что-то, чего они оба не понимали.

— Прежняя Эвелина солгала бы красивее, — сказал он.

— А вы прежнюю Эвелину знали хорошо?

— Достаточно, чтобы ей не верить.

— Тогда почему заключили договор?

Арвен резко стукнул тростью.

— Леди Рей!

Но Кайран поднял руку, останавливая его.

— Потому что Совет решил, что моим детям нужна политическая защита.

— И выбрал им в защиту меня?

— Ваш род.

— Сомнительный выбор.

— Теперь — да.

Она не знала, почему эти слова ударили так больно. Возможно, потому что относились не к ней, а к женщине, чьё тело стало её единственным убежищем. Возможно, потому что Кайран говорил о браке как о стене, построенной не для любви, а для защиты детей, и эта стена оказалась из гнилого дерева.

Где-то высоко над залом раздался тонкий звук.

Не крик.

Звон.

Как будто треснуло стекло.

Кайран резко поднял голову.

Мейра побледнела.

Арвен прошептал:

— Наследники.

Кайран уже шёл к дверям.

В этот миг брачная цепь в его руке вспыхнула так ярко, что Арина зажмурилась.

Пламя в центральной чаше сорвалось вверх.

И в нём на мгновение появилось изображение: маленькая девочка у окна, золотое свечение вокруг ладоней, мальчик перед ней, и за их спинами — тень распахнутого крыла.

Лира.

Дариан.

Они чего-то боялись.

Арина шагнула вперёд раньше, чем успела подумать.

— Что с ними?

Кайран обернулся.

— Вас это не касается.

— Если ваша брачная цепь показывает мне ваших детей, возможно, крепость думает иначе.

Арвен побагровел.

— Невиданная дерзость!

— Да, я уже слышала, что здесь любят тишину.

Кайран смотрел на неё тяжело.

— Вы не подойдёте к моим детям.

— Почему?

— Потому что я не знаю, кто передо мной.

Арина не стала спорить.

Это была первая разумная фраза за вечер.

— Хорошо, — сказала она. — Но вы знаете, что они сейчас испуганы?

В его лице что-то дрогнуло.

Быстро.

Почти незаметно.

Не холод. Не гнев.

Боль.

— Я разберусь.

— Разберитесь не как маршал.

Он замер.

Зал будто перестал дышать.

Арина сама поняла, что сказала лишнее. Но было поздно.

Кайран медленно повернулся к ней полностью.

— А как?

Она выдержала его взгляд.

— Как отец.

Пламя в чаше тихо осело.

Брачная цепь перестала гореть так ярко, но камни всё ещё светились.

Кайран молчал.

Арвен смотрел на Арину так, будто уже мысленно вписал её в список людей, которых следует убрать до рассвета. Мейра побледнела, но в её глазах появилось не только испуг. Там было что-то ещё. Тонкая, невозможная надежда, которую она тут же попыталась спрятать.

Сверху снова донёсся звон.

На этот раз громче.

Кайран отвернулся к дверям.

— Мейра, проводите леди Рей обратно. Терен, удвоить стражу у восточного крыла. Лорд Арвен, Совет не узнает об этом до утра.

— Маршал...

— Это приказ.

Арвен сжал губы, но поклонился.

Кайран вышел из зала быстрым шагом.

Арина осталась у чаши, чувствуя, как собственное сердце колотится слишком громко. Она хотела броситься следом. Не потому, что считала себя вправе. Не потому, что уже понимала, как помочь. А потому что в пламени успела увидеть лицо девочки у окна.

Не злое.

Не опасное.

Испуганное.

Мейра подошла ближе.

— Вы плохо понимаете, что делаете, леди Рей.

— Это, кажется, становится моей главной чертой.

— Наследники — не ваше дело.

Арина посмотрела на неё.

— Тогда почему все так боятся, что я их увижу?

Управляющая не ответила.

Терен ждал у дверей. Он выглядел так, будто между ним и спокойной службой только что поставили Арину и забыли спросить его согласия.

Когда они вышли из нижнего зала, коридор был уже полон тревожных шагов. Где-то наверху слышались голоса. Не громкие, но быстрые. Один раз раздался детский вскрик — тонкий, оборванный. Арина остановилась.

Терен тоже остановился.

— Не ходите туда, — сказал он тихо.

— Я и не знаю куда.

— Тем более.

— Это Лира?

Он молчал.

— Терен.

— Да.

Арина закрыла глаза на миг.

Потом открыла.

— Ведите меня в покои.

Он выдохнул с явным облегчением.

Она пошла за ним.

Не потому, что смирилась.

Потому что пока в этом доме она была чужой женщиной с чужим именем, которую завтра собирались унижить перед Советом. Если сейчас сорвётся и побежит за детским криком, её остановят у первой же лестницы. А потом любой её порыв назовут доказательством опасного влияния.

Сначала понять.

Потом действовать.

Но когда они поднялись на второй этаж и проходили мимо узкой арки, ведущей к правой башне, Арина увидела на каменном полу маленький золотой след.

Детская ладонь.

Не отпечаток крови. Не ожог. Просто светящийся след, будто девочка прижала руку к камню, а её пламя осталось просить о помощи.

Терен тоже увидел.

— Этого не было.

Арина присела.

Не коснулась сразу. Просто посмотрела.

След дрожал. Тонкие линии света сходились в центре ладони, а рядом, совсем слабо, проступили два кривых знака. Не буквы? Нет, буквы. Детские, неровные.

Не отдавайте нас.

Арина почувствовала, как мир снова качнулся.

Только теперь не от страха за себя.

Она подняла взгляд на Терена.

— Кому?

Он побледнел так, что веснушки на носу стали темнее.

— Совету, — прошептал он.

Где-то наверху хлопнула дверь.

Потом раздался голос Кайрана — низкий, властный, резкий. Слов не разобрать, но в этом голосе было то, что заставило коридор замолчать.

Арина посмотрела на светящийся след ещё раз.

Не отдавайте нас.

Она медленно поднялась.

Завтра перед Советом драконий маршал собирался отречься от опальной невесты. Совет собирался решать судьбу детей. Крепость отвечала на её прикосновение. Брачная цепь горела.

А наследники, которых прятали от двора, уже просили о помощи женщину, которую все считали предательницей.

Терен тихо сказал:

— Миледи, нам нужно идти.

Арина кивнула.

Но, уходя, она всё же обернулась к тёмной арке правой башни и произнесла почти беззвучно:

— Я услышала.

Дети, которым запретили летать

— Я услышала.

Слова получились почти беззвучными, но тёмная арка правой башни всё равно будто ответила.

Не голосом.

Не движением.

Теплом.

На миг золотой след детской ладони на каменном полу вспыхнул ярче, тонкая линия света дрогнула у края и потянулась к Арине, словно маленькая рука хотела дотронуться до неё ещё раз, но не решалась. Потом свет осел, стал тусклее и медленно ушёл в камень.

Терен шумно выдохнул.

— Миледи, прошу вас.

Теперь он уже не просто боялся. Он торопился увести её отсюда так, будто сам коридор мог передумать и открыть перед ними дверь в правую башню.

Арина поднялась.

Колени всё ещё были слабыми после дороги, чужого тела, нижнего зала, пламени в чаше и взгляда Кайрана Велора, но она заставила себя идти ровно. Не быстро, не медленно. Так, как могла бы идти женщина, которую уже считают виновной, но которой пока нельзя показать, насколько она растеряна.

Арка за спиной осталась тёмной.

Сверху больше не доносилось ни крика, ни звона. Только гул крепости — глубокий, почти драконий, прячущийся где-то под камнями.

Терен проводил её до восточных покоев и остановился у двери.

— До утра вам лучше не выходить.

— Это совет или приказ?

— И то и другое, миледи.

— Неудачное сочетание.

Он устало посмотрел на неё. Совсем молодой, с веснушками на переносице и слишком живыми глазами для здешней службы.

— Вы не понимаете, что такое Совет.

— Верно.

— И что такое род Велоров.

— Тоже верно.

— И что такое наследники, когда их дар отвечает страхом.

Арина задержала руку на дверной ручке.

— А вы понимаете?

Терен хотел ответить сразу, но не смог.

— Нет, — признал он после паузы. — Никто не понимает. Поэтому их и боятся.

— А они?

— Что они?

— Они себя боятся?

Он отвернулся.

Это был ответ.

Арина кивнула.

— Спасибо, Терен.

— За что?

— За то, что не стали делать вид, будто всё в порядке.

Стражник хмыкнул почти без радости.

— В этой крепости это опаснее, чем солгать.

— Тогда вы сегодня проявили редкую храбрость.

Он посмотрел на неё так, будто она сказала что-то совершенно неприличное.

— Леди Рей, если вы хотите пережить завтрашний Совет, не пытайтесь делать из слуг союзников.

— А из кого лучше? Из людей, которые уже решили меня выгнать?

— Лучше вообще ни из кого.

— Плохой план.

— Зато безопасный.

— Для кого?

Он не нашёлся с ответом.

Арина вошла в покои и закрыла дверь, не дожидаясь, пока он придумает новую осторожную фразу.

В комнате было тепло, но это тепло не успокаивало. Камин горел ровно, в алом пламени двигались золотые прожилки. На столе лежало письмо с перечёркнутой чешуёй. Рядом — пустое место, где совсем недавно стояла шкатулка с брачной цепью. У окна темнел двор, а за ним — правая башня.

Арина подошла к стеклу.

Оно больше не рисовало крыльев. Просто отражало её лицо — лицо Эвелины Рей, красивое, усталое, чужое. На виске выбилась светлая прядь. На губах застыла линия упрямства, к которому это лицо, кажется, было привычно. Только глаза выдавали её: в них всё ещё жил человек, которому слишком быстро пришлось принять невозможное.

— Ну что, Арина, — тихо сказала она отражению. — Хотела спокойную жизнь?

Отражение не ответило.

В правой башне тоже было темно.

Но теперь темнота не казалась пустой. Там, за камнем, были двое детей. Дариан и Лира. Мальчик, который заслонял сестру. Девочка, чья ладонь оставила на полу просьбу: *не отдавайте нас*.

Арина прижала пальцы к стеклу.

На этот раз ничего не вспыхнуло.

И хорошо.

Ей и так хватало знаков, которые она не понимала.

Она вернулась к столу и снова развернула письмо. Перечитала медленно, уже не цепляясь за каждое слово как за угрозу, а пытаясь понять, где в тексте спрятан настоящий смысл.

Не приближайтесь к детям маршала.

Это было главным. Не молчать перед Советом. Не плакать. Даже не скрытая вина Эвелины. Главным было — не приближаться к детям.

Значит, кто-то боялся именно этого.

Арина аккуратно сложила письмо и спрятала его не в сундук, где его легко найдут, а под ткань на внутренней стороне дорожной сумки, заметив там маленький разошедшийся шов. Не лучшее укрытие, но пока сойдёт. В этом мире у неё не было ни тайников, ни людей, которым можно доверять без оглядки.

Потом она заставила себя поесть.

Нира и Сайла оставили на столе ужин: горячую лепёшку, тушёные овощи, кусок запечённого мяса, чашку пряного ягодного напитка. Арина ела медленно, почти без вкуса, но понимала: пустой желудок — плохой помощник перед Советом, драконом и детьми, у которых пламя отвечает на страх.

После ужина она попыталась открыть одно из окон. Конечно, не получилось. Рама даже не дрогнула. Камень вокруг неё стал чуть теплее, будто крепость вежливо, но твёрдо положила ладонь поверх её руки и сказала: нет.

— Вы все здесь любите решать за других, да? — спросила Арина у стены.

Камин коротко треснул.

Она решила считать это не ответом.

Спать было трудно.

Слишком много чужого навалилось за один день. Тело Эвелины устало, но сознание Арины никак не могло смириться с тем, что стоит закрыть глаза — и она снова увидит не свою квартиру, не мокрый тротуар, не прежнюю жизнь, а алое пламя, тяжёлую брачную цепь и детские буквы на камне.

Она легла, но сон приходил рваными кусками. То ей снилось, что она сидит в карете, а за стенкой снова говорят: «Её привезли под отказ». То она стояла в нижнем зале, и Кайран спрашивал: «Кто вы?» — но вместо голоса у неё из горла выходил пепел. То маленькая девочка прижимала ладони к стеклу и шептала: «Не отдавайте», а за её спиной расправлялось крыло, огромное, тёмное, не детское.

Арина проснулась до рассвета.

За окном ещё было серо. Двор лежал в полутьме, алые чаши у стен горели ровно. Крепость молчала. Не спала — именно молчала, как живое существо, которое решило не тревожить дом до первого колокола.

Она встала, умылась холодной водой, которую кто-то успел поставить в серебряном кувшине. В шкафу уже висело платье для Совета — тёмное, почти чёрное, с глухим воротом и рукавами без вышивки. Его явно выбрали не для красоты, а для того, чтобы напомнить: сегодня её невестинство хоронят при свидетелях.

Арина посмотрела на платье и взяла другое.

Не яркое. Не вызывающее. Серо-зелёное, дорожное, но чистое. В нём было меньше леди и больше человека, который не собирается изображать покорную жертву ради удобства чужой церемонии.

Когда в дверь постучали, она уже заплетала волосы.

— Войдите.

На пороге появилась Сайла с подносом. За ней — Нира, несущая тёплый платок. Обе выглядели так, будто ночь не принесла им ни минуты покоя.

Сайла поставила поднос.

— Доброе утро, миледи.

— Доброе ли?

Девушка осторожно посмотрела на неё.

— В крепости пока ничего не горит лишнего.

— У вас странные мерки благополучия.

Нира вдруг прыснула, тут же побледнела и уткнулась в платок.

Арина сделала вид, что не заметила.

— Совет когда?

— К полудню, миледи, — ответила Сайла. — Но госпожа Мейра придёт раньше.

— Чтобы убедиться, что я оделась в цвет скорбного послушания?

Нира снова опасно вдохнула.

Сайла быстро сказала:

— Она велела передать, что маршал приказал вам явиться в малую огненную галерею после первого колокола.

Арина остановила руку с гребнем.

— К маршалу?

— Нет, миледи.

Сайла заметно сглотнула.

— К наследникам.

В комнате стало так тихо, что даже камин перестал потрескивать.

Арина медленно положила гребень на стол.

— Повторите.

— Маршал приказал привести вас в малую огненную галерею. На короткое время. Под надзором. До Совета.

Нира шепнула:

— Такого никогда не было.

Сайла бросила на неё испуганный взгляд, но Арина уже услышала.

— Совсем никогда?

Девушка прижала платок к груди.

— Наследников не показывают тем, кто... — Она запнулась.

— Кто должен уехать?

— Да, миледи.

Арина подошла к окну.

Правая башня была всё такой же тёмной, но на одном стекле виднелось слабое золотое пятно — будто кто-то изнутри коснулся его совсем недавно.

Кайран передумал.

Нет. Не передумал. Такой мужчина не менял решения из мягкости после одной дерзкой фразы. Значит, случилось что-то, что заставило его выбрать проверку вместо запрета. Брачная цепь? След на камне? Ночная вспышка дара Лиры? Или он сам увидел, что дети слышали Арину раньше, чем взрослые успели запретить?

— Маршал будет там? — спросила она.

— Не знаю, миледи, — сказала Сайла.

— А госпожа Мейра?

— Да.

Разумеется.

Арина взяла серо-зелёное платье.

— Помогите мне с застёжками.

Нира наконец подняла голову.

— Вы не наденете чёрное?

— Нет.

— Госпожа Мейра рассердится.

— Ей полезно разнообразие.

Сайла застыла у шкафа.

— Миледи, на Совете это могут счесть вызовом.

— Всё, что я сделаю, они могут счесть вызовом. Даже дыхание, если оно окажется недостаточно виноватым.

— Но...

Арина повернулась к ней мягче.

— Сайла, если сегодня меня собираются унижать перед родом Велоров, пусть хотя бы унижают женщину, которая сама выбрала платье.

Служанка посмотрела на неё странно.

Почти с уважением.

— Да, миледи.

Платье село хорошо. Слишком хорошо — как и всё в этом чужом теле. Арина всё ещё не привыкла к узким плечам Эвелины, к длинным волосам, к лицу, которое могло одним взгля-

дом сказать больше, чем она собиралась. Но сейчас это лицо пригодится. Если тебя считают опальной невестой, лучше выглядеть так, чтобы люди сомневались, кому из вас должно быть стыдно.

Первый колокол прокатился по крепости низким гулом.

Через несколько минут пришла Мейра.

Увидев платье, она остановилась на пороге.

— Я распорядилась подготовить другое.

— Я видела.

— И проигнорировали.

— Я решила, что чёрное слишком торжественно для утреннего унижения.

Нира за спиной Арины тихо пискнула. Сайла опустила глаза.

Мейра долго смотрела на Арину.

— Леди Рей, вы либо очень смелы, либо совершенно не понимаете, насколько тонок лёд под вашими ногами.

— В крепости драконов лёд кажется лишней деталью.

— Не цепляйтесь к словам.

— Тогда не раскладывайте их у меня под ногами.

Взгляд Мейры стал холоднее, но в нём снова мелькнуло то самое непонятное любопытство. Будто управляющая пыталась разглядеть, где в этой женщине прежняя Эвелина и почему её так мало.

— Маршал разрешил вам увидеть наследников, — сказала она. — Не считайте это доверием.

— Не собиралась.

— Это проверка.

— Чья?

— Ваша. Их. Крепости.

— Прекрасно. Значит, нас будет много.

— Вы проведёте в малой огненной галерее не больше четверти часа. Не будете касаться детей. Не будете задавать вопросов о леди Селесте, Совете, праве наследования и ночных проявлениях дара. Если наследники попросят вас уйти, вы уйдёте немедленно. Если их дар вспыхнет, вы отойдёте и позволите стражам действовать.

Арина застегнула браслет на запястье.

— Что значит «действовать»?

— Удерживать огонь.

— Как?

Мейра молчала.

Арина подняла на неё взгляд.

— Как, госпожа Мейра?

— Это не ваша забота.

— Если я буду рядом, когда это случится, мне хотелось бы знать, не сделают ли им хуже.

— Вам хотелось бы слишком многого.

— Обычно мне хочется вполне разумных вещей. Просто вокруг все нервничают.

Мейра подошла ближе.

— Послушайте меня внимательно. Наследник Дариан и княжна Лира — дети маршала. Драконья кровь в них сильнее, чем в большинстве взрослых Велоров. Но после смерти их матери Сердце Пламени стало отвечать им иначе. Их нельзя пугать.

— Тогда почему вокруг них столько испуганных взрослых?

Управляющая замерла.

Впервые Арина увидела на её лице не раздражение, а усталость.

— Потому что взрослые тоже не знают, что делать.

Вот это была правда.

Не вся. Но настоящая.

Арина кивнула.

— Тогда я не стану делать вид, что знаю. Но и стоять в стороне, если ребёнку больно от страха, не обещаю.

— Они не ваши дети.

— А страх у них настоящий.

Мейра отвела взгляд первой.

— Идёмте.

Малая огненная галерея находилась в правом крыле, но не в самой башне. Чтобы туда попасть, пришлось пройти через длинный переход с узкими окнами, выходившими на внутренний двор. В стенах здесь горели не чаши, а тонкие вертикальные полосы алого света, будто крепость держала под камнем спрятанные угли. Воздух был теплее, но тревожнее. Чем ближе они подходили, тем больше Арина ощущала гул под ногами — не громкий, скорее как далёкое сердцебиение.

У двери стояли двое стражников.

Терен был среди них.

Увидев Арину, он едва заметно выпрямился. На лице — напряжение. Но в глазах мелькнуло что-то вроде предупреждения.

— Маршал внутри? — спросила Мейра.

— Нет, госпожа. Он в соседней зале.

— Значит, слышит?

— Да.

Мейра кивнула так, будто именно этого ожидала.

Арина поняла: Кайран не войдёт первым. Он будет смотреть. Слушать. Проверять. И, возможно, решать, на сколько шагов позволить ей приблизиться, прежде чем снова закрыть дверь.

Дверь открыли.

Арина вошла.

Галерея была не похожа на детскую комнату. Слишком красивая и слишком пустая. Длинное помещение с высоким потолком, тёмным каменным полом и большими окнами, из которых открывался вид на заснеженный двор. Вдоль стен стояли низкие шкафы, стол для занятий, несколько кресел, полки с книгами и ящики с игрушками. Но всё было расставлено так аккуратно, что казалось: вещами здесь пользовались под счёт.

В камине у дальней стены горел золотой огонь. Не алый, как в коридорах. Мягче. Теплее. Детский, если огонь вообще мог быть детским.

У окна сидел мальчик.

Дариан.

Арина узнала его сразу. Тёмные волосы, худое лицо, прямая спина, пальцы, сжимающие угольный мелок. Перед ним лежал большой лист. Мальчик не поднял головы, когда она вошла, но Арина поняла: он заметил всё. Её шаги. Платье. Дыхание. Паузы Мейры. Стражу за дверью.

На листе он рисовал крепость.

Чёрные стены. Башни. Двор. Окна. Алые чаши. Всё точное, слишком точное для восьми лет.

И ни одной двери.

Возле камина на ковре сидела Лира.

Маленькая. Меньше, чем показалось издали. В простом золотистом платье, с распущенными тёмными волосами и большими карими глазами. Она держала в руках фигурку крыла-

того зверька — не дракона, скорее маленького огненного лисёнка с крыльями. Одно крыло было отломано. Девочка заметила взгляд Арины и тут же спрятала фигурку в складках платья.

Арина остановилась у порога.

Не пошла к детям сразу. Не улыбнулась широко. Не сказала: «Здравствуйте, малыши» — от такой сладости в комнате, где стоит стража, наверняка стало бы только хуже.

Она просто присела в неглубоком реверансе.

— Доброе утро.

Дариан не ответил.

Лира чуть сильнее сжала складки платья, где прятала игрушку.

Мейра сказала:

— Наследник Дариан. Княжна Лира. Леди Эвелина Рей.

— Мы знаем, — произнёс Дариан.

Голос у него был тихий, но ровный. Не детская дерзость. Защита.

Арина посмотрела на него.

Не долго. Не пристально. Ровно столько, чтобы он понял: его услышали, но не собираются заставлять продолжать.

— Значит, представление можно считать наполовину выполненным, — сказала она. — Я, к сожалению, знаю о вас меньше.

Мейра тут же напряглась.

Лира смотрела на Арину, не моргая.

— Вы та, которую папа не хочет, — сказала девочка.

Мейра резко вдохнула.

Дариан поднял голову.

Арина почувствовала, как за дверью изменилось молчание. Там, в соседней зале, вероятно, действительно слушал Кайран.

— Похоже на то, — сказала Арина.

Мейра повернулась к ней с ужасом.

Дариан прищурился.

— Вы не будете говорить, что это неправда?

— Не буду.

— Почему?

— Потому что вы не спросили, правда ли. Вы сказали то, что слышали от взрослых.

Лира нахмурилась.

— Взрослые говорили тише.

— Дети часто слышат тихое лучше громкого.

Дариан опустил мелок на стол.

— Вы не похожи.

— На кого?

— На ту, что должна была приехать.

В груди стало холодно.

Опасный мальчик.

Не из-за дара. Из-за взгляда. Он видел разницу. Не понимал, но видел.

— Дорога была долгой, — сказала Арина.

— Все так говорят, когда не хотят отвечать.

— Верно.

Лира наклонила голову.

— Значит, вы не хотите?

— Пока не знаю, как ответить так, чтобы не навредить ни вам, ни себе.

Мейра тихо сказала:

— Леди Рей.

Предупреждение.

Арина не повернулась.

Дариан смотрел на неё уже внимательнее.

— Взрослые обычно говорят, что не врут.

— Это было бы удобнее.

— Вы врёте?

Арина медленно выдохнула.

Пламя в камине дрогнуло. Совсем немного, но она заметила. Лира тоже. Девочка сразу спрятала руки за спину, как будто именно её могли обвинить в движении огня.

— Иногда, — сказала Арина.

Мейра побледнела.

Дариан замер.

Лира прошептала:

— Так нельзя говорить.

— Почему?

— За это ругают.

— За правду?

— За плохую правду.

Арина посмотрела на огонь. Он снова стал ровнее.

— Тогда скажу хорошую правду. Я не пришла вас пугать.

Дариан усмехнулся без улыбки.

— Все приходят не пугать.

— А потом?

— Потом смотрят.

— Как?

Мальчик поднял глаза.

Взгляд был жёсткий. Слишком жёсткий для ребёнка.

— Как на трещину в чаше. Вроде ещё держит воду, но все ждут, когда лопнет.

Арина почувствовала, как внутри что-то сжалось.

Она не подошла к нему. Не сказала, что он не трещина. Он бы не поверил. Слишком рано. Вместо этого она посмотрела на его рисунок.

— Крепость получилась точная.

Дариан мгновенно положил ладонь на лист.

— Не трогайте.

— Не собиралась.

— Все говорят, что не собирались.

— Тогда я буду стоять здесь.

Она сделала шаг не к столу, а в сторону, к свободному креслу у стены, и остановилась рядом с ним, не садясь без разрешения.

— Можно?

Лира удивлённо моргнула.

— Что можно?

— Сесть.

— Вы спрашиваете?

— Кресло в вашей галерее.

Дариан посмотрел на Мейру.

Управляющая выглядела так, будто это простое «можно» нарушило больше правил, чем все вчерашние дерзости Арины в нижнем зале.

Ли́ра осто́рожно сказа́ла:

— Оно́ нико́го не ку́сает.

— Уже́ хоро́шо.

Ари́на се́ла.

Не́ рядом с де́тьми. Не́ напро́тив, как на до́просе. Сбо́ку, оста́вляя им про́странство. Ру́ки положи́ла на ко́лени, что́бы Ли́ра ви́дела: она́ не со́бирается отни́мать спря́танную фи́гурку, а Да́риан — что́ не по́лезет к его́ ри́сунку.

Не́сколько се́кунд все́ молча́ли.

За о́кнами па́дал се́нег. Ка́мин го́рел мя́гко. В га́лерее па́хло го́рячим ка́мнем, бума́гой и че́м-то сла́дковаты́м — мо́жет бы́ть, вче́рашними бу́лочками, спря́танными где́-то в ша́фу. Бы́товая, по́чти сме́шная де́таль сре́ди драко́ньей кре́пости и Со́вета, кото́рый че́рез не́сколько ча́сов со́бирался ре́шать су́дбы.

Ли́ра вду́рг вы́нула из скла́док пла́тья фи́гурку кры́латого зве́рька, но де́ржала её́ у гру́ди.

— У него́ не́т кры́ла, — сказа́ла она́.

— Я за́метила́.

— Вы ска́жете, что́ на́до вы́броси́ть?

— Не́т.

— По́чему?

— По́тому что́ второ́е кры́ло у него́ е́сть.

Де́вочка на́хмури́лась.

— На о́дном не́ лета́ют.

— Возмо́жно, он по́ка не́ лета́ет. Но мо́жет сто́ять, смо́т্রেть се́рдито и же́дать, ко́гда ему́ по́могут при́думать дру́гое.

Ли́ра по́смотрела́ на зве́рька.

— Он не́ се́рдитый́.

— А ка́кой?

— При́твора́ется.

— Что́ не́ гру́стный?

Де́вочка не́ отве́тила.

Да́риан ска́зал:

— Его́ сло́мали.

Ари́на пере́вела́ взгля́д на ма́льчи́ка.

— Кто́?

Он сно́ва взял ме́лок.

— Ни́кто.

Ли́ра сжа́ла фи́гурку.

— Она́ са́ма упа́ла.

Две́ фразы́, сли́шком бы́стрые. О́дна — за́щита се́стры, дру́гая — при́вычная по́пытка сн́ять ви́ну с ко́го-то́ или́ с се́бя.

Ари́на кивну́ла.

— По́нятно. У на́с е́сть зве́рёк, кото́рый са́м упа́л, кре́пость бе́з двере́й и че́тверть ча́са, за ко́торое́ мне́ не́льзя зада́вать ва́жные во́просы.

Да́риан на́сторожи́лся.

— Вы сме́етесь?

— Не́т. Пере́числяю сло́жную си́туацию́.

Ли́ра вду́рг ти́хо фы́ркнула́.

Ме́йра у двере́й засты́ла.

Смех был коротким, почти случайным, но настоящим. Не пустым, не тревожным. Детским. И огонь в камине, вместо того чтобы вспыхнуть опасно, мягко качнулся, будто тоже услышал.

Дариан сразу посмотрел на сестру.

— Не надо.

Лири прижала губы.

— Я нечаянно.

— Всё равно.

Арина увидела, как девочка сжалась. Как пальцы сжали сломанного зверька. Как золотой огонёк пробежал по её запястью и тут же спрятался под рукавом.

Страх не смеха.

Страх последствий.

— Лири, — сказала Арина мягко, — смеяться можно тихо. Особенно если никто не падает со стула.

Девочка посмотрела на неё.

— А если огонь услышит?

— Огонь уже слышит всё, что хочет. Вопрос в том, что он делает потом.

Дариан резко сказал:

— Огонь не делает. Мы делаем.

— Хорошо, — согласилась Арина. — Тогда что сделал огонь сейчас?

Мальчик замолчал.

Пламя в камине было ровным.

— Ничего, — прошептала Лири.

— Значит, тихий смех прошёл проверку.

У девочки губы дрогнули.

Дариан хмурился, но не возразил. Он снова склонился над рисунком и провёл линию вдоль стены крепости. Ещё одну. Башни стали выше. Окон — больше. Дверей по-прежнему не было.

Арина не стала сразу указывать на это. Вместо этого спросила:

— Вы сами выбирали, что рисовать?

— Да.

— Значит, крепость важная.

— Она настоящая.

— Настоящая крепость с дверями.

— Не для всех.

Лири тихо сказала:

— Для нас иногда нет.

Мейра шагнула вперёд.

— Княжна.

Лири вздрогнула.

Огонь в камине вдруг поднялся.

Не сильно, но достаточно, чтобы тени на стенах вытянулись. Фигурка в руках девочки стала светиться по краю сломанного крыла. Дариан тут же встал, закрывая сестру собой.

— Она ничего не сказала.

— Наследник, я лишь...

— Она ничего не сказала.

Второй раз прозвучало ниже. Весомее. В пламени мелькнул чёрный силуэт крыла.

Стражники за дверью шевельнулись.

Арина подняла руку, но не к детям — к Мейре.

— Не подходите.

Управляющая сжала губы.

— Леди Рей, не вмешивайтесь.

— Вы сами привели меня на проверку. Давайте проверим не только детей.

Дариан резко посмотрел на неё.

— Что?

Арина перевела взгляд на мальчика.

— Проверим взрослых. Например, может ли взрослый услышать фразу ребёнка и не решить сразу, что случилась беда.

Лири перестала дышать.

Дариан держался прямо, но Арина видела, как дрожит мелок в его пальцах.

Огонь в камине поднялся ещё на ладонь.

Не к ним. Вверх. Как предупреждение.

— Дариан, — сказала Арина. — Я не буду подходить. Только спрошу. Что сейчас надо сделать, чтобы пламя не решило, что все опять напали?

Он смотрел на неё недоверчиво.

— Вы спрашиваете меня?

— Да.

— Почему?

— Потому что это ваше пламя. Не моё. Не госпожи Мейры. Не стражи.

Мальчик моргнул.

Эта мысль, похоже, была для него непривычной.

— Надо... — Он запнулся.

Лири прошептала:

— Не кричать.

— Хорошо, — сказала Арина. — Все не кричат.

Она посмотрела на Мейру.

Управляющая молчала, но взгляд у неё был тяжёлым.

— Ещё? — спросила Арина.

Дариан сжал мелок.

— Не хватать Лиру.

— Никто не хватает Лиру.

— И не открывать огненный круг.

Мейра резко сказала:

— Наследник.

Пламя взметнулось.

Лири вскрикнула, Дариан вскинул руку, и между ним и остальной комнатой на миг возникла тонкая огненная дуга — не яростная, не ударная, а защитная. Как крыло, распахнутое перед младшей.

Стражник за дверью выругался сквозь зубы, но в комнату не ворвался.

Арина не двигалась.

Сердце колотилось так, что хотелось прижать ладонь к груди, но она не позволила себе. Если сейчас испуг покажется детям осуждением, дуга станет стеной.

— Вот, — сказала она спокойно. — Теперь я вижу.

Дариан побледнел.

— Что?

— Что ты умеешь защищать.

Огненная дуга дрогнула.

— Это опасно, — сказал он глухо.

— Может быть. Но сейчас она стоит между Лирой и тем, чего она боится. Не между Лирой и всеми людьми.

— Вы не знаете.

— Верно. Поэтому не буду делать выводы больше, чем вижу. А вижу я мальчика, который очень быстро встал перед сестрой.

Ли́ра из-за его плеча прошептала:

— Он всегда так делает.

— Наверное, это тяжело.

Дариан словно не понял.

— Что?

— Всегда стоять первым.

Пламя в камине осело.

Огненная дуга истончилась и рассыпалась золотыми искрами, не оставив на полу ни следа. Дариан опустил руку. Мелок в его пальцах раскололся на две части.

Ли́ра всхлипнула.

— Я опять испортила.

— Нет, — сказал Дариан сразу.

— Испортила.

— Нет.

— Из-за меня он...

— Ли́ра, — вмешалась Арина мягко. — Стол цел?

Девочка замерла.

— Что?

— Стол цел?

Ли́ра посмотрела на стол.

— Да.

— Шторы целы?

— Да.

— Мейра цела?

Управляющая чуть подняла брови.

Ли́ра посмотрела на неё осторожно.

— Да.

— Дариан цел?

— У него мелок сломался.

— Мелок — потеря серьёзная, но не непоправимая.

Девочка моргнула.

— Значит, не испортила?

— Значит, испугалась. А это другое.

Дариан очень тихо сказал:

— Для Совета не другое.

И вот тут в комнате снова стало холоднее, хотя камин горел.

Арина поняла: вот настоящая дверь. Не нарисованная, не каменная. Слово «Совет». Оно висело над детьми тяжелее любой стены.

— Совет сегодня будет говорить о вас? — спросила она.

Мейра резко произнесла:

— Леди Рей, вы нарушаете условия.

— Я спросила то, что они и так знают.

— Это не ваша тема.

Дариан повернулся к управляющей.

— Они решат, можно ли нам оставаться наследниками.

Ли́ра спря́тала́ лицо́ за слома́нным зве́рьком.

— И можно ли папе нас держать.

Арина почувствовала, как внутри всё сжалось от злости. Не яркой, не глупой, не той, что толкает на красивые речи. Другой. Холодной и сосредоточенной.

Дети не должны так формулировать свою жизнь.

Но вслух она сказала только:

— Понятно.

Дариан смотрел испытующе.

— Вы скажете, что всё будет хорошо?

— Нет.

Ли́ра подня́ла глаза́.

— Почему?

— Потому что я не знаю. И потому что взрослые часто говорят «всё будет хорошо», когда сами не уверены и хотят, чтобы дети перестали спрашивать.

Дариан долго молчал.

— Тогда что скажете?

Арина посмотрела на крепость без дверей на его рисунке.

— Что дверь иногда можно нарисовать там, где её не видно.

Мальчик нахмурился.

— Это глупо.

— Возможно. Но крепость без дверей неудобна даже тем, кто внутри.

Ли́ра тихо спросила:

— А если через дверь придут плохие?

— Тогда дверь должна быть с замком. И с тем, кто решает, кого впускать.

— Кто решает?

Арина не ответила сразу. Если сказать «ваш отец», Дариан, возможно, не поверит. Если сказать «взрослые», Ли́ра снова сожмётся. Если сказать «вы», это будет слишком большая ответственность для детей, которых и так тащат в политику.

— Сначала те, кто живёт внутри, — сказала она наконец. — А взрослые должны помогать им не открывать дверь страху.

Дариан смотрел на неё так, будто пытался найти подвох между словами.

— Вы странная.

— Мне уже говорили.

— Кто?

— Почти все, кого я встретила в этой крепости.

Ли́ра осторожно улыбнулась.

В этот момент дверь в соседнюю залу открылась.

Кайран вошёл без стука.

Не быстро, но так, что воздух в галерее сразу изменился. Дариан выпрямился. Ли́ра спря́тала фигу́рку за спину́. Ме́йра склони́ла голову́. Даже огонь в камине стал ровнее, выше, будто приветствовал хозяина дома.

Арина поднялась с кресла.

Кайран окинул взглядом комнату.

Сначала детей.

Не Арину.

И она отметила это против воли: как бы ни выглядел он холодным, первый его взгляд был не на возможную угрозу, а на Дариана и Ли́ру. Проверка. Живы. Целы. Напуганы? Сдержались? Кто близко? Что горело?

Потом он увидел рисунок.

Крепость без дверей.

Лицо его не изменилось, но взгляд стал тяжелее.

— Все целы? — спросил он.

Лира кивнула.

Дариан сказал:

— Да.

— Был всплеск.

— Маленький.

— Для кого маленький?

Мальчик сжал обломки мелка.

— Для нас.

Кайран молчал секунду.

— Хорошо.

Дариан поднял на него взгляд.

Кажется, такого ответа он не ожидал.

Лира тоже.

Арина тем более.

Кайран подошёл ближе, но остановился на расстоянии. Не протянул руку к дочери, не попытался забрать сломанную фигурку, не коснулся рисунка сына. Стоял так, будто между ним и детьми тоже была невидимая линия, которую он сам когда-то провёл и теперь не знал, как переступить без разрушений.

— Лира, — сказал он, — ты испугалась?

Девочка спряталась за фигурку ещё сильнее.

— Немножко.

Дариан бросил на неё быстрый взгляд.

Кайран заметил.

— Или больше, чем немножко?

Лира подумала.

— Серединно.

— Понятно.

Слово вышло сухим, но не злым.

Мира? Нет, Лира. Арина едва не перепутала в голове имя с другой девочкой из несуществующего для них мира. Она внутренне одёрнула себя. Здесь — Лира. Маленькая княжна драконьего рода, которая прячет сломанного зверька.

Кайран повернулся к Арине.

— Что произошло?

Мейра открыла рот, но он поднял руку.

— Я спрашиваю леди Рей.

Арина выдержала его взгляд.

— Княжна рассмеялась. Наследник попросил её не делать этого. Госпожа Мейра сделала замечание. Лира испугалась последствий. Дариан встал перед ней. Пламя ответило защитой.

— Защитой? — переспросил Кайран.

— Да.

— Вы считаете огненную дугу посреди детской галереи защитой?

— В этот раз — да.

— Вы успели стать знатоком драконьего дара за четверть часа?

— Нет. Я успела увидеть, что огонь не пошёл к людям. Он встал между Лирой и тем, чего она боялась.

Кайран смотрел на неё без выражения.

— А чего она боялась?

Арина перевела взгляд на детей.

Вот здесь важно.

Нельзя говорить за них больше, чем они сами позволили. Нельзя превращать их страх в доклад отцу. Но и уходить в пустую вежливость нельзя.

— Думаю, она боялась, что её снова обвинят в том, что кто-то испугался.

Мейра закрыла глаза.

Дариан не двинулся.

Лира шепнула:

— Я не хотела.

Кайран резко посмотрел на дочь.

— Что?

— Огонь. Я не хотела.

Он сделал шаг к ней и остановился.

— Я знаю.

Лира недоверчиво подняла глаза.

— Знаете?

— Да.

— Но взрослые говорят, если случилось, значит, мы хотели.

Кайран словно окаменел.

Арина увидела, как пальцы на его правой руке сжались. Не в кулак даже — так, будто он удержал движение, которое не знал, куда направить.

— Кто говорит? — спросил он.

Дариан тут же сказал:

— Никто.

Лира повторила:

— Никто.

Слишком быстро.

Кайран посмотрел на них обоих, потом на Мейру.

Управляющая стояла бледная.

— Ваша светлость, дети слышат многое не в том смысле, в каком это произносится.

— Значит, надо произносить иначе, — сказал он.

Эта фраза прозвучала не громко.

Но Мейра склонила голову ниже.

Арина вдруг почувствовала странное раздражение. Не на Кайрана даже. На то, что детям пришлось оставить золотую просьбу на камне, чтобы взрослые начали осторожнее выбирать слова. На то, что один правильный ответ отца сейчас кажется маленьким чудом, хотя должен был быть обычным делом.

Кайран снова повернулся к ней.

— Вы не должны были говорить с ними о Совете.

— Я не начинала этот разговор.

— Но продолжили.

— Потому что они уже знают.

— Знать и обсуждать — разные вещи.

— А молчать и не бояться — тоже.

В его глазах вспыхнуло золото.

Дариан напрягся.

Лира сжала фигурку.

Арина поняла, что дети снова следят не за смыслом, а за тем, как взрослые сейчас разойдутся: словами или огнём.

Она первой отвела взгляд от Кайрана.

Не как уступку. Как выбор.

Потом посмотрела на рисунок Дариана.

— У нас осталась незаконченная дверь.

— Какая дверь? — спросил Кайран.

Дариан быстро накрыл лист ладонью.

— Никакая.

Арина не стала выдавать его.

— Та, которую можно нарисовать только там, где крепость сама позволит.

Мальчик медленно посмотрел на неё.

Это было не совсем правда.

Но и не ложь.

Кайран заметил обмен взглядами.

— Дариан?

— Я рисовал крепость.

— Покажешь?

Мальчик сжал лист.

— Нет.

Кайран не изменился в лице, но что-то в нём отступило на шаг. Не обида. Скорее привычное ожидание отказа, к которому он заставил себя привыкнуть заранее.

— Хорошо, — сказал он.

Дариан моргнул.

— Вы не прикажете?

— Нет.

— Почему?

— Потому что это твой рисунок.

В комнате стало очень тихо.

Арина почувствовала, как у неё внутри что-то дрогнуло. Не умиление. Нет. Всё было слишком сложно для простого тепла. Скорее осторожная мысль: он может. Пусть неуклюже. Пусть поздно. Но может сказать правильно, если услышит, куда больно.

Лира вдруг достала из-за спины фигурку.

— У него крыло сломалось.

Кайран посмотрел на зверька.

По его лицу прошла тень узнавания.

— Я помню его.

— Мама подарила.

Слово «мама» ударило по галерее тише, чем звон стекла, но сильнее.

Огонь в камине вытянулся тонкой линией.

Мейра сделала едва заметное движение, будто хотела прервать. Кайран даже не посмотрел на неё, но она остановилась.

— Да, — сказал он. — Подарила.

Лира прижала фигурку к груди.

— Он сам упал.

Дариан опустил глаза.

Кайран молчал.

Арина видела, что он понял не меньше её: зверёк не просто упал. Или упал в тот день, когда все кричали. Или когда дети испугались. Или когда кто-то попытался отнять память, слишком неудобную для крепости. Но сейчас не время вытаскивать правду силой.

— Его можно не выбрасывать, — сказала Лира, глядя почему-то на Арину, а не на отца.

— Можно, — ответил Кайран.

Девочка осторожно посмотрела на него.

— Даже если он не летает?

— Даже если.

— А если Совет скажет, что сломанное нельзя держать?

Тишина стала тяжёлой.

Кайран медленно опустился перед дочерью на одно колено.

Арина не ожидала этого. Мейра тоже. Дариан совсем замер.

Маршал драконьего рода, мужчина войны, человек, которого боялись даже в коридорах, стоял на одном колене перед маленькой девочкой со сломанной игрушкой.

— Совет не решает судьбу твоего зверька, — сказал он.

Лира шепнула:

— А нашу?

Кайран закрыл глаза на долю секунды.

Когда открыл, взгляд был всё ещё жёстким, но в нём больше не было той полной непроницаемости, которую Арина видела ночью.

— Пока я жив, — сказал он, — никто не заберёт вас без моего сопротивления.

Дариан тихо спросил:

— А если Совета больше?

— Больше чего?

— Больше, чем вас.

Кайран молчал.

Вот он, настоящий вопрос. Не игрушка. Не огонь. Не дверь на рисунке. Если Совет сильнее отца, кому верить?

Арина не вмешалась.

Это был не её ответ.

Кайран поднялся не сразу. Смотрел на сына.

— Тогда мне придётся стать умнее, чем я был до сих пор.

Дариан прищурился.

— Это не обещание.

— Нет.

— Почему?

— Потому что обещание без возможности выполнить — тоже ложь.

Арина невольно посмотрела на Кайрана внимательнее.

Он говорил трудно. Каждое слово словно вытаскивал из себя не привыкшими к этому руками. Но говорил честно. И дети слышали именно это. Лира перестала сжимать фигурку так отчаянно. Дариан не расслабился, но хотя бы не отступил.

Мейра тихо напомнила:

— Ваша светлость, до Совета осталось меньше четырёх часов.

Кайран кивнул.

Он снова стал маршалом почти мгновенно. Плечи расправились, лицо закрылось, голос приобрёл прежнюю точность.

— Дети останутся в галерее до моего распоряжения. Без тренировок. Без посетителей. Сайлу прислать сюда с завтраком.

Мейра вскинула глаза.

— В галерею?

— Да.

— Обычно наследники завтракают в малой башенной комнате.

— Сегодня — здесь.

Лира тихо сказала:

— С окнами?

Кайран посмотрел на неё.

— С окнами.

— А шторы?

— Открыть.

Мира? Лира улыбнулась так быстро и испуганно, будто сама испугалась своей радости.

Дариан заметил.

— Это из-за неё? — Он кивнул на Арину.

Кайран повернулся к сыну.

— Нет. Из-за вас.

Мальчик опустил глаза.

Арина не знала, поверил ли он. Но в его руке обломки мелка перестали хрустеть.

Кайран подошёл к двери и остановился рядом с Ариной.

— Леди Рей.

Она пошла за ним, понимая: сейчас будет расплата за четверть часа, в котором она нарушила почти все указания Мейры, хотя формально не коснулась детей и не подошла к ним первой.

В коридоре было прохладнее.

Дверь галереи закрылась за ними, но не до конца. Мейра осталась внутри, а Терен и второй стражник стояли у входа. Кайран прошёл несколько шагов в сторону соседней залы и только там остановился.

— Я запретил вам приближаться к моим детям, — сказал он.

— Вы приказали привести меня к ним.

— Под надзором. Не для того, чтобы вы обсуждали Совет, страх и двери.

— Двери обсуждались в художественном смысле.

Он посмотрел на неё.

— Вы всегда отвечаете так, будто пытаетесь разозлить собеседника?

— Нет. Иногда я пытаюсь не испугаться.

Эта фраза вышла сама.

И оказалась лишней честностью.

Кайран замолчал.

Арина почувствовала, как сердце снова ускорилося. Он стоял слишком близко, но не настолько, чтобы это можно было назвать нарушением. Просто рядом с ним пространство становилось плотнее. Теплее. Опаснее.

— Вы боитесь меня? — спросил он.

— Да.

Его взгляд стал тяжелее.

— Но не так сильно, как боюсь людей, которые называют детский страх угрозой государству.

— Совет может лишить их наследования.

— Я уже поняла.

— Нет, не поняли. Если Дариана и Лиру признают неуправляемыми, их передадут под надзор старших родов. Формально — ради безопасности. По сути — чтобы держать Сердце Пламени через них.

Арина похолодела.

Он сказал больше, чем собирался.

Сам понял это, потому что лицо снова стало закрытым.

— Почему вы говорите мне это? — спросила она.

— Потому что цепь откликнулась на вас. Потому что Лира оставила след, который вы увидели. Потому что Дариан не закрыл вас огнём, хотя мог. И потому что завтра Совет спросит, почему вы вообще были рядом с детьми.

— А что вы ответите?

— Что это был мой приказ.

— Даже если вам это навредит?

— Я не позволяю Совету использовать моих детей против тех, кого сам привёл к ним.

Вот это прозвучало как железо.

Не нежность.

Не доверие.

Но принцип.

И Арина неожиданно ощутила к нему первое настоящее уважение — не к грозному маршалу, не к дракону с золотыми глазами, а к человеку, который, пусть поздно и жестко, всё же видел границы ответственности.

— А меня Совет может использовать? — спросила она.

— Уже использует.

— Против вас?

— Против детей. Через меня. Через вас. Через любой слабый камень в стене.

— Я слабый камень?

— Вы неизвестный камень. Это хуже.

Она почти улыбнулась.

— Звучит как редкий комплимент Велоров.

— Это предупреждение.

— Ваша крепость богата предупреждениями.

Кайран сделал шаг ближе.

— Леди Рей, послушайте внимательно. До Совета вы больше не приблизитесь к наследникам без моего разрешения. Если дети заговорят с вами сами — не поддерживайте разговоры о роде, даре, матери и Совете. Если их пламя вспыхнет — не пытайтесь быть героиней. Если Арвен Тор задаст вам вопрос, на который вы не знаете ответа, молчите.

— А если знаю?

— Особенно молчите.

— То есть завтра мне лучше изображать мебель?

— Мебель редко портит заседания.

— Вы удивитесь, но в моём опыте стулья иногда делают больше для правды, чем люди.

Он смотрел на неё несколько секунд.

— В каком опыте?

Опасно.

Слишком быстро.

Арина отвела взгляд к окну коридора, за которым падал снег.

— В том, который у меня остался, несмотря на дорогу.

Кайран не стал давить.

Но запомнил. Она поняла по его взгляду.

Из галереи вдруг донёсся тихий детский голос.

— Папа?

Кайран мгновенно повернулся.

Дверь была приоткрыта. В щели стояла Лира. Прижимала к груди сломанного крылатого зверька и смотрела не на отца.

На Арину.

— Она уйдёт? — спросила девочка.

Арина почувствовала, как этот вопрос цепляется за что-то внутри.

Кайран медленно подошёл к дочери, но не загородил Арину.

— После Совета?

Лира кивнула.

— Возможно, — сказал он.

Девочка опустила глаза.

— Все уходят после Совета.

Дариан появился за её спиной.

— Лира.

— Что? Это правда.

Арина не должна была отвечать. Кайран только что запретил ей поддерживать лишние разговоры. Мейра внутри наверняка слышала. Терен у двери тоже. Любое слово можно будет потом повторить Совету как доказательство влияния.

Но молчание сейчас было бы тоже ответом.

И дети его слышали бы.

Арина посмотрела на Лиру.

— Я не знаю, уйду ли после Совета.

Кайран резко повернул к ней голову.

Она продолжила, пока не передумала:

— Но если уйду, это будет не потому, что вы меня напугали.

Лира подняла глаза.

— А почему?

— Потому что взрослые иногда принимают очень глупые решения и называют их порядком.

Дариан посмотрел на Кайрана.

— Она опять говорит неправильное.

— Да, — сказал Кайран.

Арина напряглась.

Но он добавил:

— Но не всё неправильное бывает ложью.

Дариан нахмурился, обдумывая.

Лира тихо сказала:

— Тогда можно я запомню?

Кайран посмотрел на дочь.

— Что именно?

— Что она не уйдёт из-за нас.

Пауза была короткой, но в ней поместилось слишком многое.

— Можно, — сказал он.

Лира кивнула, словно получила разрешение на что-то очень важное, и вернулась в галерею. Дариан задержался на мгновение. Его взгляд скользнул по Арине — всё ещё недоверчивый, настороженный, но теперь в нём появилась тонкая трещина. Не доверие. Нет. Скорее вопрос, который он пока не решался задать.

Потом он тоже ушёл.

Дверь закрылась.

Кайран повернулся к Арине.

— Вы понимаете, что сделали?

— Ответила ребёнку.

— Вы дали ей зацепку.

— Нет. Я убрала с неё вину.

— Для ребёнка это одно и то же, если зацепка оборвётся.

Арина замолчала.

Потому что он был прав.

Не полностью, но достаточно, чтобы её ответ застрял в горле.

Она хотела защитить Лиру от мысли, что все уходят из-за них. Но если через несколько часов Совет вышвырнет Арину из крепости, девочка всё равно останется с новым уходом. Пусть не по своей вине — но с уходом.

— Я не подумала до конца, — сказала она.

Кайран смотрел на неё внимательно.

Наверное, ожидал оправданий. Дерзости. Нового спора.

— Нет, — сказал он наконец. — Подумали. Просто выбрали боль сейчас меньше, чем боль потом.

— Это плохо?

— Это опасно.

— В этой крепости всё опасно.

— Не всё.

Он произнёс это слишком быстро и сам, кажется, понял. Между ними повисла странная тишина.

Арина отвела взгляд первой.

— Что будет на Совете?

Кайран сцепил руки за спиной. Маршал вернулся.

— Ваш род обвинят в нарушении брачного договора и попытке давления на Велоров. Я заявлю о расторжении помолвки. Арвен Тор внесёт вопрос о временном ограничении прав Дариана и Лиры до проверки их дара. Несколько старших родов поддержат его.

— А вы?

— Я буду против.

— Этого достаточно?

— Нет.

Честно.

И страшно.

— Почему Совет вообще имеет такое право?

— Потому что Сердце Пламени связано не только с моей кровью. Оно держит защиту драконьих земель. Если наследники признаны угрозой для родовой силы, Совет получает право вмешаться.

— Признаны кем?

— Советом.

Арина медленно выдохнула.

— Удобно.

— Да.

Он не стал защищать систему. Не стал объяснять, что всё сложнее, что таковы древние законы, что без Совета род не выживет. Просто сказал: да.

И это, странно, снова прибавило ему человеческих черт.

— И при этом вы собирались расторгнуть договор со мной прямо перед тем, как Совет ударит по детям?

— Я собирался убрать из уравнения род Рей.

— А меня?

— Вас тоже.

— Как ненужную деталь?

— Как опасную.

— Для кого?

Он не ответил сразу.

— Я не знал.

Арина посмотрела на него.

— А сейчас?

— Сейчас знаю ещё меньше.

Это могло бы прозвучать как оскорбление, но почему-то не прозвучало. Скорее как признание раздражающей правды.

В коридоре появился Терен.

— Ваша светлость, лорд Арвен требует встречи до Совета.

— Пусть требует.

— Он уже у нижнего зала.

— Значит, подождёт.

Терен поклонился и ушёл.

Кайран повернулся к Арине.

— Мейра проводит вас в восточные покои. До Совета вы останетесь там.

— Опять?

— Да.

— Вы боитесь, что я успею открыть ещё одну дверь?

— Я опасаясь, что дети сами попробуют открыть её для вас.

Это было неожиданно.

Арина не нашла, что ответить сразу.

Кайран посмотрел на закрытую дверь галереи.

— Они редко тянутся к людям. Если тянутся — потом больше.

— Значит, проще, чтобы не тянулись вообще?

Он резко повернулся к ней.

Взгляд стал жёстким.

— Осторожнее.

— Я правда спрашиваю.

— Нет. Вы судите.

Она хотела возразить.

И не смогла.

Потому что да, судила. Быстро, слишком быстро, не зная всей истории, видя только детей, запертые галереи и страх вокруг них. Но незнание не делало её наблюдения бесполезными. Просто требовало осторожности.

— Простите, — сказала Арина.

Кайран замер.

— За что?

— За то, что сказала так, будто уже всё поняла. Я не всё поняла. Почти ничего, если честно. Но то, что они боятся быть виноватыми даже за смех, я увидела.

Его лицо не смягчилось. Но стало другим. Менее закрытым, что ли.

— Их мать умерла после вспышки Сердца Пламени, — сказал он глухо.

Арина не шевельнулась.

— Дети были рядом?

— Достаточно близко, чтобы с тех пор каждый взрослый взгляд напоминал им об этом.

Вот она.

Глубина пропасти.

Не вся правда. Только край. Но уже страшный.

— Они виноваты? — спросила Арина тихо.

Золотые глаза Кайрана вспыхнули.

— Нет.

Ответ был мгновенным.

Без сомнения.

— Они это знают?

Он молчал.

Арина не стала добавлять ничего.

Не нужно было.

За дверью галереи что-то тихо стукнуло. Возможно, упал мелок. Возможно, Лира снова спрятала фигурку. Возможно, крепость просто напомнила, что слышит.

Кайран глубоко вдохнул.

— До Совета, леди Рей.

— До Совета, маршал Велор.

Он ушёл первым, оставив после себя тепло, напряжение и слишком много невысказанного.

Мейра вышла из галереи через минуту.

Её лицо было строгим, но глаза — усталыми.

— Вы довольны?

— Нет.

— Странно. Вы нарушили почти все границы и всё ещё не выведены из крепости.

— Это повод для довольства?

— Для женщины в вашем положении — да.

Арина посмотрела на дверь, за которой остались дети.

— Они завтракают с открытыми шторами?

Мейра поджала губы.

— Да.

— Тогда, возможно, один повод есть.

Управляющая долго смотрела на неё, потом негромко сказала:

— Не давайте им того, что не сможете удержать.

— Надежду?

— Себя.

Эти слова оказались точнее, чем хотелось.

Арина не ответила.

Обратный путь в восточные покои прошёл молча. На этот раз коридоры казались другими. Не добрее, нет. Но в них появились детали, которых она не заметила раньше: детская царапина на нижней части стены у поворота, маленький обожжённый след на перилах, золотая пуговица под скамьёй, забытая кем-то и не поднятая. Взрослый дом, наполненный следами детей, которым всё время говорили быть незаметными.

В покоях её ждали Сайла и Нира. На столе уже лежало чёрное платье для Совета.

Арина остановилась на пороге.

— Всё-таки оно.

Сайла развела руками.

— Приказ госпожи Мейры.

— Разумеется.

Нира робко сказала:

— Миледи, там ещё... кое-что.

На столе рядом с платьем лежал лист.

Не письмо. Небольшой кусок плотной бумаги, сложенный вдвое. Без печати. Без подписи.

Арина развернула.

Внутри был рисунок.

Крепость. Чёрные стены, высокие башни, окна. И одна маленькая дверь у самой нижней линии стены. Неровная, едва заметная, будто нарисованная второпях половинкой сломанного мелка.

За дверью стоял крошечный крылатый зверёк с одним крылом.

А рядом детской рукой было написано:

Если дверь будет, он попробует выйти.

Арина долго смотрела на лист.

Сайла тихо спросила:

— От наследника?

— Да.

— Что это значит?

Арина осторожно сложила рисунок и спрятала его за пазуху, туда, где раньше лежало чужое письмо с угрозой.

— Что Совет сегодня будет длиннее, чем им хотелось бы.

Невеста на три дня

— Что Совет сегодня будет длиннее, чем им хотелось бы.

Сайла не сразу поняла, что Арина ответила именно ей. Нира, стоявшая у шкафа с чёрным платьем в руках, застыла так, будто ткань внезапно стала тяжёлым обвинением. Обе служанки смотрели на сложенный рисунок, который Арина успела спрятать за пазуху, и в комнате стало тесно от чужого страха.

— Миледи, — шепнула Нира, — если это найдут...

— Не найдут.

Сайла осторожно покосилась на дверь.

— В крепости находят почти всё.

— Значит, мне повезло начать с «почти».

Нира выглядела так, будто слово «повезло» в этих стенах звучало неприлично.

Арина подошла к зеркалу. Чужое лицо снова встретило её настороженным взглядом. Светлые волосы уже были заплетены, серо-зелёное платье сидело на фигуре спокойно и строго, но на столе лежало чёрное — приказ, символ, чужая воля, заранее выбранная для неё роль. Если она наденет его, Совет увидит женщину, готовую к собственному унижению. Если не наденет, скажут: дерзкая, не раскаивается, не понимает положения.

Что бы она ни сделала, они всё равно скажут.

Это даже немного освобождало.

— Миледи, — осторожно произнесла Сайла, — Совет — не нижний зал и не детская галерея. Там каждое слово повторяют дважды: сначала вслух, потом в выгодном смысле.

— Хорошая привычка для людей, которые не любят правду.

— Они не любят неожиданности, — сказала Сайла. — А вы... простите... очень неожиданная.

— Я заметила.

Арина достала из-за пазухи рисунок Дариана ещё раз. Крепость без дверей и крошечный выход у нижней линии стены. Рядом — однокрылый зверёк, который, если дверь будет, попробует выйти.

Она п

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.